

свідчать про несформованість у цих дітей відповідної дистанції в спілкуванні з дорослими. Розходжень в адаптації до свого оточення не виявлено.

Отримані результати допомагають достовірніше оцінювати особистісні особливості дітей, що вживають токсичні речовини, і дозволяє більш ефективно проводити з ними психокорекційну роботу.

ЛІТЕРАТУРА

1. Заленская Л.М., Смолякова М.М. Новая форма ток-

сикоманий у детей // Редкие и труднодиагностируемые нервно-психические заболевания и синдромы. -Пермь, 1980. -С.94-95.

2. Бабаян Э.А., Гонопольский М.Х. Наркология. -М.: Медицина, 1987.

3. Бандурка С.А., Слинко С.В. Наркомафия: уголовно-правовые средства борьбы: Учебное пособие. -Харьков: Арсис, 2001. -320 с.

Надійшла до редколегії 23.11.2004

ВИДЕНЕЕВ И.А. ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ У ДЕТЕЙ, УПОТРЕБЛЯЮЩИХ ТОКСИЧНЫЕ ВЕЩЕСТВА

Исследована социальная приспособленность, особенность реакций на фрустрацию и способов выхода из ситуаций препятствия у детей, которые употребляют токсичные вещества.

VIDENEV I.A. FEATURES OF INTERPERSONAL ATTITUDES AND SOCIAL ADAPTATION AT CHILDREN WHO USE TOXIC SUBSTANCES

Social fitness, feature of reactions on frustration and ways of an output from situations of an obstacle at children who use toxic substances is investigated.

УДК 159.9.072:342.84

В.В. КОНОПЛЕВ*, канд. психол. наук
Г.Л. ТРУХАНОВ**

*Крымский юридический институт Национального университета внутренних дел**
*Национальный университет внутренних дел***

УПРАВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫБОРОВ И ВИКТИМИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Рассмотрены вопросы массовой виктимизации населения как раздела научного направления в виктимологии, в частности, явление массовой виктимизации в результате политической борьбы за власть.

Совместная деятельность людей, связанная с дифференциацией труда, поставила вопрос о справедливости взаимоотношений. Как правило, он связан с распределением результатов совместного труда. Несправедливость же такого распределения одну из сторон превращает в жертву.

Понятие о жертве как о криминальном факторе появилось в психологии и юриспруденции в конце XIX – начале XX века, но особое внимание ей уделялось в криминологии. Основателями виктимологии являются Ганс фон Гентига и Бенджамин Мендельсон. Время возникновения самой науки относят к 1941-1948 годам, когда этими авторами были разработаны и опубликованы основополагающие положения. В 1956 г. Г. Гентига издает многотомный труд «Преступление», в котором дается всесторонняя характеристика жертвы как элемента окружающего мира. Однако более глубокое раскрытие проблемы жертвы на принципиально новом уровне дал Б. Мендельсон. Именно ему принадлежит определение науки о жертве как виктимологии. В его работах «Новая отрасль биопсихосоциальной науки - виктимологии» обосновываются многие базовые положения виктимологии.

В 1975 г. Б. Мендельсон публикует монографию «Общая виктимология», в которой представляется понятие жертвы в более широком плане, включая жертвы природных катаклизмов, геноцида, этнических конфликтов, войн, политических интриг. Такое представление жертвы является особенно актуальным в настоящее время, когда социальное переустройство общества в своей политической борьбе широко использует этнические, религиозные, идейные противоречия, противопоставляя группы населения одной страны, либо различных стран, доводя существующие конфликты до разжигания гражданской войны, или военного вмешательства во внутренние интересы других стран [1, 2].

В этом случае жертвой выступает целый народ той или иной державы. Наиболее ярким примером такого рода жертв - население - в политической борьбе, могут быть выборы в США и Украине, сопровождающиеся психологической истерией масс-медиа, которые ставили целью добиться избрания представляемого ими кандидата. Стремясь достичь превосходства над своим оппонентом, каждый из кандидатов старался указать на наиболее значимые ошибки и отрицательную сторону управления

своего конкурента.

Негативное освещение будущего лидера всегда вызывает сомнение избирателей в порядочности своего руководителя, рождает нигилизм к существующим законам и делит общество на полярные лагеря. Проигрыш одного из кандидатов сопровождается отторжением и его избирателей. И результатом использования материалов, порочащих своего противника, является последующее неуважение к власти.

Искаженное представление информации в период агитации претендентов на пост президента и ее навязывание населению можно расценить как психологическое насилие, направленное на захват власти. В результате полной реальной неосведомленности о кандидате и его программе, вопрос «свободного» выбора сводится к случайному гаданию. При этом решающим фактором выбора становится эмоциональная убедительность выступлений кандидатов, необоснованные обещания, спекуляция на наиболее наболевших вопросах населения, касающихся его социального положения.

Принципы построения такого рода агитационной работы строятся на недостаточной осведомленности избирателей, что позволяет включать в пропаганду искаженное в желаемом направлении представление об излагаемых событиях. В этом случае обманутые выступают жертвой несбывшихся надежд, а обман избирателей является планомерным процессом, преследующим строго определенную цель захвата власти. Среди средств ее достижения психологическое воздействие на широкие массы населения путем нагнетания эмоционального состояния и внушения необходимого убеждения играет ведущую роль. Именно этот вариант использовался на выборах 2004 г. в указанных странах.

Нагнетание эмоционального накала большой массы населения является исключительно дорогим спектаклем, задача которого не только достичь необходимого возбуждения, но и удержать его в течение определенного времени. Если первая часть задачи может быть решена за счет существенных материальных затрат, то вторая связана с психическими возможностями организации процесса. После второй эйфории наступает резкое ослабление эмоционального возбуждения, которое может вызывать разочарование, подавленность, скрытое или явно проявляющееся озлобление. В любом случае такое состояние не способствует эффективному выполнению своих функциональных обязанностей.

Стремление использовать эмоциональный накал для физического насилия и столкновение противоборствующих сторон и на этой волне захвата власти является преступной антиконституционной деятельностью, которая преследуется законом. В данном случае есть полное основание говорить о преступлении и его жертве, потерпевшими или жертвой в котором выступает население страны.

В таком понимании жертвы или потерпевших требуется значительная степень обобщения причин возникновения пострадавших и построение наиболее общих моделей возникновения и поведения жертвы. Именно с появлением такого подхода в понимании жертвы виктимология приобретает самостоятельный межпредметный характер [3, 4].

Современная виктимология берет на себя функцию изучения жертвы преступления с тем, чтобы синтезировать и систематизировать разноплановые и разрозненные данные о потерпевших в единое целое с целью более глубокого и всестороннего понимания причин преступлений и условий, способствующих их совершению. Такого рода систематизация позволяет осуществить обобщение полученных данных и сделать заключение о том, что типично для ситуации, в которой происходит причинение вреда в целом и личности потерпевших, в частности.

В настоящее время разрабатываются самые различные направления виктимологических исследований, начиная от определения понятия «жертва» и «потерпевший» до классификации типов жертв и их социально-демографической характеристики. Разрабатываются положения, которые отражают природу массовой виктимности, создающей благоприятную почву для соответствующих видов политических преступлений. В отличие от теоретических разработок, связанных с изучением индивидуальной виктимности, теория массовой виктимности исходит из того, что лица, обладающие сходными морально-психическими и социальными качествами, порождающими определенную степень уязвимости в отношении конкретных преступлений, составляют совокупность, в которой отдельное лицо в массовых процессах выступает как ее элемент и своей индивидуальностью определяет свое место в распределении этой совокупности. Массовая виктимность рассматривается как социальное явление и носит статистический характер своей воспроизводимости [5, с.23-24; 6-7].

К массовой виктимности относится виктимность отдельных групп населения, категорий людей, сходных по параметрам виктимности, виктимность как предпосылку и следствие различных видов политических преступлений, и виктимность как предпосылку и следствие преступлений, совершенных различными категориями политических преступников. Результаты исследований массовой виктимности свидетельствуют, что конкретные социально-средовые условия с постоянной стабильностью репродуцируют как жертву, так и преступника. Это позволяет говорить о наличии специфических условий среды, которые несут в себе определенный вид виктимизации. Индивидуальные морально-психологические качества определяют предрасположенность и вероятное проявление в этой среде, как вид жертвы (потерпевшего), так и вид преступления. Относительно отдельного индивида можно говорить о случайной его принадлежности к происшедшему. Это может быть или не быть относительно отдельного индивида, но статистический принцип средового репродуцирования конкретных явлений констатирует, что это не только может произойти, а должно случиться. То есть преступность в целом есть явление закономерное для конкретных условий конкретного общества. Характерная особенность данного явления была отражена еще в работе Кетле «Социальная физика» (1905), где он отмечал, что различные виды преступлений и соответственно жертвы с удивительной точностью регулярно воспроизводятся, как будто они планируются заранее. Им впервые было не только описано, но и обосновано закономерное то, как необходимое прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей. Используя статистический

принцип накопления информации Кетле устанавливает тип самого распределения наблюдаемых явлений. Однако в последующем его разработки остаются невостребованными и сегодня они скорее несут в себе историческую ценность, так как основные его положения получили самостоятельное глубокое обоснование в других областях знаний и в настоящее время независимо используются в виктимологии, криминологии, социологии [8-10].

В каждом конкретном случае отдельное лицо может оказаться жертвой преступления, а может избежать причинения вреда. Однако совокупность таких «случайных» явлений не оставляет шансов на «постоянное благополучие». Причинение вреда не только может, но и обязательно произойдет. Виктимность на уровне социально-средовой обусловленности является такой же закономерностью, как и преступность. В отличие от индивидуальной случайности, массовое проявление всегда реализует свою закономерность для определенной части соответствующей выборки [11, 12].

В разработке эффективных мер обеспечения гражданской безопасности и системы безопасности в целом, использование категории причинности применительно к массовым явлениям позволяет вскрыть наряду с общими причинами, определяющими главную тенденцию развития того или иного явления, и причины различных отклонений от этой тенденции, что в существенной мере способствует правильной организации системы управления безопасностью и защиты граждан от посягательств на их свободу.

В ряде теоретических работ, посвященных виктимологическим исследованиям, делаются достаточно условные заключения о причинности виктимности и преступности. Разделение этих сторон социальных процессов принципиально неверно и говорить о первичности одной из них, а о второй, как следствии первой, крайне ошибочно. Существующая потребность в чем-либо приводит к поиску путей ее удовлетворения. В зависимости от возможной разрешимости этих поисков выбирается наиболее доступный путь, удовлетворения, что и определяет реализацию поиска. Понятие «возможная разрешимость» определяется мерой доступности или незащищенности того, что является предметом удовлетворения потребности. В свою очередь анонимность поведения в выборе наиболее доступной формы в удовлетворении своей потребности за счет «незащищенности» предмета удовлетворения, в рассматриваемом случае - власти, порождает преступное поведение. Поэтому соотношение «потребности», «доступности» и «анонимности» выбора пути достижения цели порождают социальные условия как для существования жертвы, так и адекватного преступления. В данном случае «доступность» и «анонимность» определяют меру незащищенности «жертвы», а потребность в достижении определяет возможную величину нанесенного ущерба потерпевшему.

Во всех случаях «преступление» и «жертва» связаны местом, временем, содержанием происшедшего, мотивом и причинами происшедшего, способом его реализации. Поэтому накопление статистических данных по отношению каждого из отмеченных параметров с учетом того, кто потерпевший, позволяет построить логическую цепь

взаимобусловленных связей, которая в значительной мере облегчает решить вопрос о том, кто совершил преступление. Такая структура сбора и построения логических связей лежит в основе организации «субъектно-объектно-средовых» отношений, которые определяют статистический принцип проявления взаимобусловленных совместных отношений, что позволяет использовать ее для создания эффективной системы управления гражданской безопасности [13].

В работах Д.В. Ривмана, В.И. Полубинского, В.Д. Ровмана, В.С. Устинова подчеркивается, что массовая виктимность отражает состояние общества, которое выражается в совокупности всех жертв и актов применения вреда преступлениями физическим лицам на определенной территории в определенный период времени и общих для населения и отдельных его групп потенциала уязвимости, реализующегося в массе разнохарактерных индивидуальных виктимных проявлений, в различной степени детерминирующих совершение преступлений и причинение вреда.

Фактически преступность является неизбежным явлением любой формы совместных взаимобусловленных отношений, где существует распределение результатов труда в форме конечного полезного продукта. Наличие неудовлетворенности определенных потребностей создает благоприятную почву для незаконного перераспределения недостающего конечного продукта, что порождает преступность, а незащищенность этого продукта по этапам его формирования порождает соответствующую меру виктимности. Так как любая сфера производства связана с удовлетворением определенных потребностей, то на любом уровне протекания технологического процесса достижения конечного положительного результата можно говорить о мере доступности и анонимности действия в присвоении результатов труда в зависимости от потребности в нем в данном виде его готовности [14].

Власть как естественная необходимость совместной деятельности стала одним из наиболее доходных предметов посягательства. Глобализация породила пронизывающую все общество коррупцию. Открыто о коррупции первых государственных лиц в XX веке стали говорить в 1990 г., а в 1999 г. выходят работы «Полная хронология XX века» и «История XX века», в которых дается анализ этого процесса [15, 16].

Однако было бы неверным поднимать проблему коррупции как характерную черту глобализации и порождения негативных сторон развития общества в XX столетии. Коррупция тысячелетиями связана с процессом развития общества; о ней, как о «порче» власти, писали Платон и Аристотель, характеризуя это явление как политическое. Механизмы коррупции высших деятелей государства достаточно глубоко рассматривались еще в 70-х годах XX столетия М. Бакулиным в работе «Коррупция» и Н. Макиавелли в работе «Развитие государственности».

М. Бакулин подчеркивал, что для любых правителей государства коррупция (лат. *corruptio* - подкуп) выступает в качестве средства управления и является инструментом в руках профессиональных политиков, позволяющим побеждать и сохранять власть всеми возможными способами.

Причина четкого проявления коррупции, как инструмента «политического искусства», на рубеже 80-90-х годов XX столетия определяется тем, что на данном этапе политическая власть контролировалась не силой вооружения, а финансовой мощью. В 80-х годах мировой рынок был охвачен финансовой лихорадкой. Валютно-финансовые биржевые спекуляции новой информационной системы стали процессом, вышедшим за рамки экономической действительности. Все это привело к резкому изменению прежних ценностей. Именно об этом говорится в Докладе совета Римского клуба «Первая глобальная революция». Коррупция верховных правителей расцвела на фоне потери ценностей и трансформации управления в мире финансов. Характерной чертой этого периода является активное сращивание политической и экономической власти для достижения физического господства. В работе А. Зиновьева «На пути к сверхобществу» это явление названо «кухней власти» [17, с.104-105].

В системе управления обществом всегда существовал феномен, который выходил за рамки государственности и оказывал влияние на внутригосударственную политику. На разных этапах развития государства его значимость имеет различную долю в общей составляющей механизма управления обществом. Феномен «кухни власти» предполагает участие в процессе принятия решений верховной властью наряду с официальными структурами государственной власти также и банкиров, руководителей масс-медиа, бизнесменов, лидеров мафиозных групп, всех тех, кого породила система перестройки и чьи интересы она призвана выражать.

Власть всегда являлась собственностью и, в зависимости от ее социального уровня значимости, может быть личной, частной и общественной. Именно этот факт позволил «кухне власти» на данном этапе развития общества превратить власть в товар, который наряду с финансовыми и сырьевыми технологическими рынками представляет рынок власти. Коррупция в данном случае выступает механизмом продажи власти на рынке властных услуг, где наряду с бартерным обменом услугами власти осуществляется непосредственная ее продажа [18].

В силу того, что составляющими власти является материальная, физическая и идеологическая основы, то существует и теневая торговля каждой из ее основ с различной степенью проявления открытости. Фактически политические решения принимаются теми людьми, которые не только представляют правительства и имеют политические интересы, но и лично заинтересованы в процессах глобализации, ставшей исключительным источником потенциального богатства для мировой элиты [19]. Рынки услуг власти существуют как национальные, так и транснациональные. Между ними идет конкуренция, которая периодически проявляется в коррупционных скандалах, выступающих ни чем иным как инструментом взламывания (подрыва) национального рынка власти.

В данном случае можно говорить о хищении либо использовании служебного положения как известной форме преступной деятельности, в то время как жертва не носит явного характера.

Практически на лицо действия, следствием которых является причинения вреда, но в данном случае вред причиняется множеству жертв, вследствие чего виктимизация

приобретает массовый характер своего проявления. В ряде случаев жертва практически не воспринимает нанесенный ущерб в силу его распределения на значительное число лиц и неосведомленность об утрате или неосознанность ее проявления на начальном этапе виктимизации. Это в существенной мере снижает возможность контроля за возникновением жертвы в такой же мере, как и выявления преступления и лиц, совершающих его.

Следовательно, виктимизация как процесс и его результат объективно существует не только на индивидуальном, но и на массовом уровне, проявляющемся в суммарном выражении актов виктимизации и их последствий. Показатели массовой виктимности отражают состояние виктимизации от преступности. В массовой виктимизации субъектом выступают те, охраняемые уголовным законодательством общественные отношения, которые в результате преступного деяния претерпевают общественно опасные изменения, или на которые было направлено посягательство. Основываясь на этом, субъектами виктимизации выступает в этом случае непосредственные жертвы преступления.

Интегративным субъектом виктимизации является общность людей, обладающих субъективной виктимностью. При виктимизации интегративной жертвы реальный вред так же причиняется физическим лицам.

Объектом массовой виктимизации выступают охраняемые уголовным законодательством отношения, которые в ее результате подверглись социально нежелательным изменениям, причинно связанным с совершением преступной деятельностью.

В оценке объективной стороны виктимизации выступает ситуация, в которой происходит виктимизация, место, время, способ причинения вреда, поведение потерпевшего. В свою очередь, субъективная сторона виктимизации включает мотивы, цели субъекта виктимизации, восприятие им ситуации, которая влияет на его поведение, осознание и отношение к результатам виктимизации. В массовой виктимизации объективно вред причиняется как отдельным лицам, так и коллективам, организациям, населению в целом, но при этом на первое место выдвигается масштаб виктимизации, а критерий непосредственности причинения вреда не учитывается.

Типичные виктимные характеристики позволяют определенным образом дифференцировать субъекты виктимизации всех уровней по критерию непосредственности причинения вреда на жертвы, составляющие физические лица, и интегративные жертвы, которым вред причинен непосредственно, а также на жертвы, представляющие физические лица и интегрированные жертвы, которым вред причинен опосредованно, и иные формы интеграции людей, не имеющих качества аддитивной виктимности, которым вред может быть причинен только опосредованно или косвенно.

В такого рода классификации крайне сложно различить непосредственную и опосредованную жертву.

Отсутствие точной классификации видов жертв или потерпевших недостаточно определенное понятие интегративной жертвы, неопределенность оценки уровня нанесения ущерба непосредственной и опосредованной жертвы делают крайне сложной возможность организации системы контроля и управления процессом обеспече-

ния безопасности населения, отдельных социальных групп и общества в целом. Существующая степень неопределенности в отмеченных положениях значительно ограничивает разрешаемую сложность стоящей задачи снижения виктимизации на массовом уровне. Однако такая неопределенность в значительной мере возникает в силу того, что отсутствует строгое разграничение между качественной направленностью в классификации характеристик как жертв, так и преступлений, а также степени проявления соответствующих характеристик. Практически во всех случаях не учитываются уровень детализации рассматриваемых процессов. Все это в целом создает не только большую неопределенность, но и избыточность информации, которую крайне сложно упорядочить, что усложняет создание надежной системы управления деятельностью ОВД в обеспечении гражданской безопасности [20-22].

Следует отметить, что во всех случаях необходимо осуществлять систематизацию поступающих сведений в соответствии с упорядоченной структурой основополагающих вопросов, которые относятся к определению среды, субъекта и объекта воздействия. Введение различных уровней детализации получаемой информации в каждом конкретном случае соответствующей глубине разрешения поставленной задачи позволит выделить устойчиво производимые сочетания факторов, которые сопровождают те или иные события. Степень стабильности их воспроизведения необходимо закреплять как логическую связь, формирующую некоторый «знак-символ», соответствующий конкретному явлению.

Фактически, данные массовой виктимологии, являются исключительно важной информацией о наиболее уязвимой стороне, защиту которой необходимо обеспечить ОВД. Широкое изучение и систематизация «жертв» и непосредственное сопоставление с криминологической информацией позволяет показать единую систему социально-средовых отношений, в которой возможно установить логические связи, отражающие наиболее незащищенные звенья во взаимоотношениях совместных общественных отношениях.

Основываясь на принципах построения самоорганизующихся систем и современном представлении систем управления, а также достижениях криминальной виктимологии и криминологии представляется возможным построение системы автоматизированного анализа и принятия решений, что в значительной мере повысит эффективность управления ОВД, позволит прогнозировать развитие событий и обеспечить своевременное осуществление профилактических мероприятий, что составляет основу современной системы работы органов внутренних дел по защите граждан от посягательств на достигнутые ими права и свободы, охраняемые Конституцией Украины.

Полученные результаты проводимых выборов в Украине, вследствие острого противостояния сторон, оппозиция стремится признать недействительными, утверждая их фальсификацию. Однако следует отметить, что ход предвыборной агитации был направлен на создание эмоционального возбуждения и противопоставления избирателей, доходящего в отдельных случаях до разжигания

вражды. Естественно, что высокий эмоциональный порыв в приверженности своему кандидату сопровождался готовностью любой ценой достичь превосходства Единственным путем после всех приложенных усилий оставалась возможная фальсификация числа приверженцев с каждой из сторон. Создаваемый ажиотаж, определивший недостаточность обеспечивающего контроля, создал объективные условия, в которых оказалась реализованная возможность фальсификации (11 % по данным социологических оценок).

Это естественный результат существующей формы организации предвыборной агитационной кампании. В соответствии со строгими математическими моделями, отражающими социальные процессы при различной степени их эмоционального протекания следует, что наименьшая мера фальсификации выбора составляет 5 % от общего результата и наблюдается только в состоянии спокойного без эмоционального рассудительного выбора. Предельная граница вносимой ошибки выбора в нормальных условиях их организации однородной в своих интересах масс допускает 10 % отклонение. В условиях, когда население в результате нарушений правил проводимой предвыборной агитации было разделено на два практически равных противостоящих лагеря объявленный процент нарушений (11 %) является абсолютно незначимым для принятия окончательного решения в пользу выигравшей стороны.

Высокая психологическая подготовка и уверенность в абсолютном превосходстве, в тоже время потеря почти достигнутой победы естественно сопровождается стремлением любой ценой вернуть утраченное, но такое стремление может свидетельствовать о диаметрально противоположных интересах кандидатов в политической направленности своих интересов. В результате проявления политических амбиций оппозиции жертвой стал весь народ Украины, целостность государства, достигнутая стабилизация экономических и политических преобразований в стране. Происходящий процесс не является стихийной случайностью, а отражает закономерность развития острой борьбы внешних политических сил, заинтересованных в исходе выбора народом Украины направленности своего дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ривман Д.В. Виктимность как социальное явление. Вопросы профилактики преступлений. –М.: ВПУ МВД СССР, 1976. –270 с.
2. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. –М.: Юрид. лит., 2000. –С.46-53.
3. Гримак Л.П., Скрипников А.И., Лаговский А.Ю., Зубрилов И.С. Методы прикладной психологии в раскрытии и расследовании преступлений. –М.: ЮНИТИ, 1999. – 216 с.
4. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. –Горький: Наука, 1974. –178 с.
5. Ривман Д.В. Виктимология и профилактика преступлений: Дисс... д-ра юрид. наук. -М., 1979.
6. Франк Л.В. Классификации потерпевших в целях

виктимологічного дослідження: Проблеми соціальної психології. – Душанбе: Юрид. лит., 1980. – 240 с.

7. Франк Л.В. Потерпевші від злочину: Проблеми радянської виктимології. – Душанбе: Юрид. лит., 1977.

8. Кудрявцев В.Н. Причинність в кримінології. – М.: Юрид. лит., 1968. – 180 с.

9. Кравченко А.И. Соціологія для юристів. – М.: Юрист, 1999.

10. Яковлев А.М. Злочинність і соціальна психологія. – М.: Юрид. лит., 1971.

11. Башкатов І.П. Психологія груп неповнолітніх правопорушників. – М.: Стелс, 2000. – 303 с.

12. Полубинський В.И. Правові основи учинення жертви злочину. – Горький: ВШ МВД СРСР, 1979. – 270 с.

13. Шнайдер Г.И. Кримінологія. – М.: Ін. лит., 1994. – 362 с.

14. Франк Л.В., Шпінський А.Э. Критичний огляд найновішої літератури по виктимології в капіталістических країнах. Укріплення законності і правопорядку в період розвинутого соціалізму. – Душанбе: Юрид. лит., 1978. – 112 с.

15. Уільямс Н., Уоллер Ф., Роуэтт Д. Повна хроноло-

гія ХХ в. – М.: Вече АСТ, 1999. – 196 с.

16. Гренвілл Дж. Історія ХХ століття. Люди. Події. Факти. – М.: Акваріум, 1999. – 296 с.

17. Монтес М.Ф., Попов В. В. «Азійський вірус» або «голландська хвороба»? Теорія і історія валютних кризисів в Росії і інших країнах: – М.: Дело, 1999.

18. Бандурка А.М., Друзь В.А. Психологія влади. – Харків: Ун-т внутр. дел, 1999. – 326 с.

19. Кастельс М. Глобальний капіталізм і нова економіка: значення для Росії // Постіндустріальний світ і Росія. – СПб.: Медическа преса, 2001.

20. Рефлексивне управління: Тез. міжнарод. симпозіуму; 17-19 окт. 2000, Москва / Під ред. А.В. Брушлинського і В.Е. Ленського. – М.: Изд-во «БЕК», 2000.

21. Чернілов В.И. О значенні поняття стратегічного управління // Стратегічне управління в органах внутрішніх дел: Матеріали методологічного управління в органах внутрішніх дел. – М.: Пітер-прес, 2000. – С.84-86.

22. Чернілов В.И. Стратегічне управління і кризисні ситуації в діяльності органів внутрішніх дел: В пошуках стратегії управління кризисними ситуаціями. – М.: Пітер-прес, 1998.

Поступила в редакцію 02.11.2004

КОНОПЛЬОВ В.В., ТРУХАНОВ Г.Л. УПРАВЛІННЯ ПСИХОЛОГІЄЮ ОРГАНІЗАЦІЇ ВИБОРІВ І ВІКТИМІЗАЦІЇ СУСПІЛЬСТВА

Розглянуто питання масової віктимізації населення як розділу наукового напрямку у віктимології, зокрема, явище масової віктимізації в результаті політичної боротьби за владу.

KONOPLEV V.V., TRUHANOV G.L. MANAGEMENT OF PSYCHOLOGY OF THE ELECTIONS ORGANIZATION AND SOCIETIES VICTIMIZATION

Are considered the questions mass victimization of population as part of scientific direction in victim-science, in particular, phenomenon masses victimization as result of political race for power.

О.В. МИСЕНКО

Національний університет внутрішніх справ

УДК 159.923-057.36

ПСИХОЛОГІЧНІ ЗАКОНОМІРНОСТІ РОЗВИТКУ І ФОРМУВАННЯ ПРОФЕСІЙНИХ КОМУНІКАТИВНИХ УСТАНОВОК І СОЦІАЛЬНИХ ОРІЄНТАЦІЙ ДІЛЬНИЧНИХ ІНСПЕКТОРІВ МІЛІЦІЇ

Досліджені комунікативні установки і соціальні орієнтації дільничних інспекторів міліції.

За даними МВС України, сьогодні в Україні працює близько 11,5 тисяч дільничних інспекторів міліції. Організація успішної взаємодії працівників служби ДІМ з населенням є першочерговим завданням, і особливої значущо-

сті при цьому набувають питання підвищення їх соціально-перцептивної компетентності. Проведене дослідження дозволяє визначити напрямки і засоби удосконалення умов та ефективності професійної взаємодії дільничних